

Ефим Гаммер (слева) в бою за звание чемпиона Иерусалима

— *Ефим, вы, наверное, единственный в мире поэт, который еще и чемпион по боксу. Разве такое бывает?*

— Да еще как бывает! Великий английский поэт Джордж Байрон, несмотря на хромоту, был отличным кулачным бойцом. А наш Пушкин? И Александр Сергеевич тоже увлекался этим видом спорта. Вот что вспоминает Вяземский-младший об уроках бокса, преподанных ему, тогда семилетнему мальчику, автором «Евгения Онегина»: «В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать». Не хуже Пушкина, полагаю, боксировал и Хемингуэй. А если заглянем в древние времена, то на олимпийском пьедестале почета увидим великого геометра Пифагора. Из его учения помним: «Пифагоровы штаны на все стороны равны». А то, что он олимпийский чемпион древности по боксу, узнаем с большим опозданием, только сейчас. Но лучше позже, чем никогда. Так что бокс совместим с творчеством, вернее, является его составляющей. Была бы охота совмещать. А для этого нужна не только работоспособность, но и сила воли, и, само собой, талант. Да, талант, как в искусстве.

— *Когда вы осознали себя именно детским поэтом? Как это произошло?*

— Еще в молодости. Казалось бы, взрослеем-взрослеем, получаем аттестат зрелости, потом диплом университета, женимся, а детство никуда не уходит. Оно в насросло, казалось бы, навечно. И проявляет себя раз за разом, если не в зеркале, когда корчишь рожи, которые уже в морщинах, так в строчках. К тому же с молодых лет, понимая, что творческий потолок каждого человека отнюдь не столь высок, как небесный, я создал для себя понятие «творческая спираль». Переходя, как бы по витку, от одного вида искусства к другому, поднимаешь свой творческий потолок намного выше, чем он был прежде. Особенно четко это прослеживается в моей литературной работе, в ее жанровом разнообразии: проза, стихи, юмор, сказочные и фантастические повести.

Ефим Гаммер у своих творческих и спортивных наград

— *Чем вы мечтали заниматься в детстве?*

— Вначале хотел стать астрономом, чтобы первым увидеть звездных пришельцев, которые спускаются на космическом корабле на Землю. А началось все с солнечного затмения. Солнечное затмение, обещанное в 1952 году по радио, мы увидели воочию точь-в-точь в указанный диктором день и час. Но предварительно, чтобы увидеть его во всей красе, коптили стеклышки, через которые доступно было смотреть на солнце. Невооруженными глазами на него не помотришь, не то, что на звезды. К тому же можно ослепнуть и ничего приличного при этом не увидеть. Звезды совсем другое дело, да и не так далеки, как солнце. В особенности ночью, на балконе, если взобраться на табуретку.

Меня уже записали в первый класс. Мне уже купили букварь и родную речь. Мне уже при ознакомительном посещении учительница задала самый важный в жизни вопрос: — Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

До солнечного затмения я сказал бы: Иваном Царевичем, чтобы сразиться с Кашеим Бессмертным. А после солнечного затмения я сказал то, что было на уме у любого мальчишки нашего двора: — Астрономом.

Учительница ласково улыбулась, приветствуя мое похвальное желание, и посоветовала хорошо учиться. Разумеется, я собирался хорошо учиться. И еще до 1 сентября 1952 года стал готовить себя в астрономы. Как только начинало смеркаться, выходил к окну, чтобы наблюдать за звездами. Это никому не мешало: мало ли чем занимается малец, главное, не шумит, не играет в войну и не бегаёт с деревянной саблей по квартире как оглашенный. Но однажды я припозднился. Взрослые собрались идти спать, а я двинул к окну.

— Куда тебя понесло? — спросил папа.

— Смотреть на звезды.

— А зачем тебе ножик?

— Чтобы отковыривать звезды от неба.

— Брось эти свои ночные забавки.

— А как я иначе стану астрономом?

— Ладно, — согласился папа. — Лучше становись астрономом, чем в советское время Иваном Царевичем. И помог мне придвинуть к подоконнику табуретку.

Я не совсем понял, что имел папа в виду, когда отсоветовал мне становиться Иваном Царевичем. И при чем здесь советское время? — тоже не понял. Но потом, когда смотрел на звезды, догадался: лучше быть детским писателем и сочинять сказки, чем самому жить в сказке. Почему? Это не секрет, охотно поделюсь: жить в сказке, как ни хоти, никак не получится, потому что жизнь — не сказка. А сочинять сказки можно и в реальной жизни, и они от этого будут не менее волшебными, если, конечно, есть фантазия и тяга к творчеству.

Картины Ефима Гаммера — рапидограф, фломастер-кисть, тушь

— Писали ли вы в детстве стихи или прозу? Случались ли у вас разочарования в своем творчестве? С чем они были связаны?

— Первое стихотворение я написал в 12 лет, сразу же, как нас оповестили о запуске первого искусственного спутника Земли. Это была такая эйфория, трудно передать. Представлялось, сегодня — спутник, завтра ракета, и летим на Марс, а там братья по разуму и Аэлита. Что делать? Надо записываться в космонавты. Я побежал в ДОСААФ, чтобы выяснить, где записывают в космонавты. Но мне объяснили, что могут записать только в группу подводного плавания с аквалангом, но еще не сейчас, а после шестнадцати лет. Ну и дела! В кино, где герои целуются, не пускают до 16 лет, в аквалангисты тоже. И самое поразительное, на газетную полосу тоже нельзя.

Стихотворению, как говорится, было далеко до Пушкинских образцов. Вот тут и могло наступить разочарование. Но я бросился в бокс, и мой творческий потенциал ушел в кулаки, не давая возможности расслабиться и впасть, как говорят взрослые люди, в депрессию. Наоборот, мои противники впадали в удрученное состояние, видя, как после боя судья поднимает мою руку в черной перчатке в знак победы. К пятнадцати годам я оброс чемпионскими титулами, и тут во мне проснулся поэтический импульс. С его помощью я и выдал маленькое стихотворение, которое и сегодня можно опубликовать в детском сборнике.

*Так хочется кататься
На лыжах, на коньках,
С девчонкою промчатся,
Как ветер на катках.
Летим мы, как бесята,
Едва касаясь льда.
От счастья, что ты рядом
Кружится голова.*

С тех пор стихи, а потом и проза стали составными в моей жизни. И где бы я ни был — в армии, на ринге, в арктическом плавании, журналистских розысках свидетелей взрыва тунгусского метеорита в Сибири, зарубежных поездках — они со мной. И мне не изменяют. А это — главная радость, затушевывающая любое разочарование, если оно и появлялось в прошлом, допустим, из-за того, что в Советском Союзе мне предлагали изменить фамилию на русский манер, добавив спасительное окончание «ов», чтобы можно было успешно печататься в советских журналах 60-70 годов. Я этого не делал, и не жалею до сих пор. Сегодня печатаюсь по всему миру, никак не изменяя фамилию. В Израиле, США, Франции, Канаде, Англии, Дании, Финляндии, Латвии, где жил до отъезда в Израиль, и по всей России — во многих литературных журналах от Москвы и Санкт-Петербурга до Урала, Сибири, Дальнего Востока. Картины мои выставляются в Израиле, США, Франции, Канаде, Германии. И кстати, никак мне не помешало сегодня, не изменяя фамилии на русский лад, войти во всемирное издание справочника КТО ЕСТЬ КТО, издающемуся в России.

— **Какой совет вы можете дать юному поэту или писателю, который переживает период разочарования в себе самом? Что ему нужно сделать? И чего — не делать?**

— Самый лучший совет — это не давать никаких советов. Литературное дарование, если оно есть, само проявит себя. И никуда не денешься, вырвет из разочарования, и будешь писать, как миленький. Но что писать? В этом и заложено «быть или не быть — вот в чем вопрос». Каким-то образом нужно себя подготовить к обретению таланта — Божьего дара — этому подарку судьбы. Представьте себе человека, которому ужасно хочется написать замечательную книжку, а он не знает о чем. А это происходит, если у него нет никакого жизненного материала, чтобы взять перо и вывести первую строку.

Отсюда — главное: умеете жить и умеете видеть. То, что отложится в вас, в будущем станет строительным материалом ваших произведений. И если сегодня вас не печатают, завтра, помните, наступает новый день. А утро вечера мудренее. Значит? Все верно. Завтра вас напечатают. Правда, если сегодня вы не били баклуши, а что-то стоящее написали.